

В.Никольский

Права гражданина : (Декларация прав человека и гражданина)

Москва : Книгоиздательство "Практические знания"
1917

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

Библиотека «СВОБОДНАЯ РОССИЯ»

под редакцией Л. А. Слонимского,

№ 2

В. НИКОЛЬСКИЙ.

П р а в а Гражданина.

(Декларация правъ человека и гражданина).

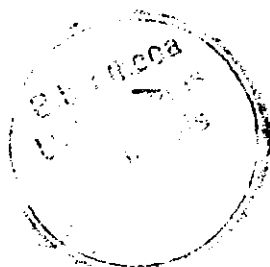
Издательство „ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ“

МОСКВА, Сивцевъ-Вражекъ, 6.

ТЕЛ. 5-42-85.

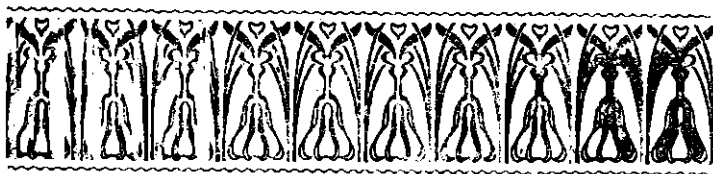

МОСКВА—1917.

Типография „РЕКЛАМА“.

Мал. Дмитровка, 8. Тел. 3-26-99.

I.

Еще до Рождества Христова въ Европѣ были республики, т.-е. народоправства, во главѣ которыхъ стояли выборныя власти, управлявшія при контролѣ всего народа. Несмотря на это, отдѣльныя лица (индивиды) не пользовались въ этихъ государствахъ свободой. Всемогущее и неограниченное государство властно распоряжалось жизнью и имуществомъ каждаго члена общественнаго союза („гражданина“). Не было мысли, что каждый человѣкъ, являясь на этотъ свѣтъ, приноситъ съ собой извѣстныя преимущества, на которыя государ-

ство не можетъ посягнуть. Мысль о такихъ личныхъ (или субъективныхъ) правахъ родилась лишь въ христіанствѣ. Но цѣлыхъ 17 столѣтій понадобилось, чтобы отъ свободы религіознаго убѣжденія, возвѣщенной Христомъ, люди дошли до признанія цѣлаго ряда другихъ правъ, присущихъ человѣку въ силу непреложныхъ законовъ природы. Сперва только нѣкоторые свободолюбивые писатели дерзали высказывать такія смѣлыя мнѣнія. Дѣло въ томъ, что лѣтъ полтораста тому назадъ даже теперешняя свободная республика Франція томилаcь подъ тяжкимъ игомъ своихъ королей, самодержавныхъ государей, полновластно и произвольно, безъ народныхъ представителей, правившихъ французскимъ народомъ, трепетавшимъ и безмолствовавшимъ передъ своимъ повелителемъ. Но пусть современникъ лучше меня изобразить вамъ тогдашніе порядки.

„Никогда французы, какъ бы лишившись всѣ одновременно разсудка, не говорили королю--мы предоставляемъ тебѣ безконтрольную власть надъ нами; мы будемъ свободны до той минуты, когда ты не сочтешь нужнымъ сдѣлать насъ рабами, и наши дѣти тоже будутъ

рабами своихъ дѣтей; ты будешь въ правѣ по своему желанію отрывать насъ отъ нашихъ семей и посылать въ тюрьмы. Если отчаяніе, выгоды твоей любовницы или любимца обратятъ для насъ въ могилу это ужасное мѣстопробываніе, никто не услышитъ нашего умирающаго голоса. Твоя воля, дѣйствительная или предполагаемая, сдѣлаетъ все это справедливымъ. Такъ говорить о королѣ можно было нашему оратору (графу Каstellану) только послѣ революціи: иначе его немедленно посадили бы въ Бастилію, крѣпость-тюрьму для политическихъ, находившуюся въ столицѣ Франціи—Парижѣ“

Не только устно (никакія политическія собранія или „митинги“ не разрешались), но и письменно подобныя мнѣнія нельзя было высказать: частную переписку вскрывали „черные кабинеты“, вольнолюбивыя книги сжигались на площадяхъ рукой палача. Рабство переносилось тѣмъ труднѣе, что существовало неравенство между отдѣльными классами общества. Дворяне и духовенство (добившееся запрещенія исповѣдывать французамъ другую религію, кромѣ католической) занимали высшія гражданскія и военныя

должности, владѣли громадными землями (на которыхъ крестьяне жили почти на крѣпостномъ правѣ), не платили налоговъ, обогащались крупными подачками короля.

Вся остальная масса населенія составляла безправное „третье сословіе“ Въ него входили не только безземельные крестьяне и рабочіе (пролетаріатъ, или люди, живущіе заработной платой), но и городскіе торговцы, промышленники и ремесленники-предприниматели (буржуазія, живущая доходами съ капитала) и люди образованные—ученые, литераторы, адвокаты и пр. (интеллигенція). Если пролетаріатъ (особенно крестьяне) былъ еще темень, то образованная часть буржуазіи и большинство интеллигенціи слишкомъ хорошо чувствовала и понимала всю чудовищную несправедливость и неестественность „старого порядка“, чтобы не мечтать о новомъ, лучшемъ, государственномъ строѣ, при которомъ открылось бы поприще для дѣятельности талантливыхъ людей во всѣхъ областяхъ жизни. Чрезмѣрныя траты на дворъ и армію принудили королевское правительство созвать народныхъ представителей, которые помогли бы ему выйти изъ гибельнаго фи-

нансоваго положенія, грозившаго государственнымъ банкротствомъ (долгъ дошелъ до 4½ милліардовъ). Если бы король согласился на реформы и прежде всего на уравниеніе въ правахъ третьяго сословія съ привилегированными, то возможно, онъ и не лишился-бы трона. Но Людовикъ 16-й, мягкій какъ воскъ былъ подъ башмакомъ своей жены—Маріи Антуанетты, не француженки, а австріячки.

Онъ рѣшилъ разогнать депутатовъ, для чего сталъ стягивать войска. Депутаты были беззащитны, но героическій порывъ мелкихъ буржуа и рабочихъ столицы Франціи спасъ ихъ. 14 іюля 1789 г толпа парижанъ взяла Бастилію, потерявъ всего около 200 ч. убитыми и ранеными. Хотя король не былъ низвергнутъ, но у него осталась послѣ этого лишь тѣнь власти. Англійскій посолъ справедливо донесъ своему правительству: „Севершилась величайшая въ исторіи революція, стоившая сравнительно очень мало крови. Съ этого времени мы можемъ считать Францію свободной страной, короля—ограниченнымъ государемъ, дворянство—уравненнымъ съ народомъ“ „Національное собраніе“ изъ народныхъ избранниковъ безпрепятственно

могло теперь приступить къ преобразованію государственнаго строя Франціи, къ выработкѣ „конституціи“

Образованные люди того времени свѣтло и радостно смотрѣли на будущее, вѣря въ безграничную мощь человѣческаго разума. Долго спавшій человѣческій умъ быстро рѣшалъ самые сложные и запутанные вопросы. Политическіе писатели „вѣка просвѣщенія“ справедливо презирали законы; дѣйствовавшіе въ европейскихъ государствахъ, освящавшіе королевскій деспотизмъ и сословное неравенство. Они изобрѣли свое человѣчное и возвышенное естественное право, пригодное для всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ.

Незадолго до французской революціи сѣверо-американцы освободились отъ подчиненія Англіи. Въ началѣ возстанія, въ цѣляхъ оправданія его, они выпустили первую декларацію (т.-е. объявленіе) правъ человѣка и гражданина, содержащую перечень важнѣйшихъ положеній, признававшихся юристами того времени за основы справедливой и разумной организаціи всякаго государства.

Во Франціи въ 1789 г., между 20 и 26 августа, послѣ долгихъ преній, Національное

собрание тоже голосовало декларацию правъ челоуѣка и гражданина, настолько затмившую свои американскіе образцы, что всякій говорящій о правахъ челоуѣка и гражданина невольно думаетъ о ней и подразумеваетъ ее. Дюпоръ не даромъ говорилъ депутатамъ: „Вы пожелали издать такую декларацию, которая пригодна для всѣхъ людей, для всѣхъ націй. Вотъ обязательство, которое вы взяли на себя передъ лицомъ всей Европы“ Изъ этого новаго политическаго евангелія должны были почерпнуть свой политическій символъ вѣры новые законодатели (члены Учредительнаго Собранія), призванные народной волей воскресить Францію для новой свободной жизни.

Но кромѣ того, декларация слѣдовало положить предѣлъ всегнетущей и всепоглощающей королевской власти путемъ выясненія взаимоотношенія между личностью и государствомъ. За каждымъ гражданиномъ декларация признала личныя (субъективныя) права, предоставившія ему рядъ свободъ. „Невѣдѣніе, забвеніе или презрѣніе къ правамъ челоуѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ“ — писали составители въ предисловіи къ „декларации“

Вотъ почему „представители французскаго народа“ рѣшили въ торжественной деклараціи изложить естественныя права человѣка чтобы она, будучи постоянно передъ глазами всѣхъ членовъ общественнаго союза, непрестанно напоминала ихъ права и обязанности. „Тогда всякій новый законъ, всякое правительственное мѣропріятіе можетъ сравниться съ деклараціей и при согласіи съ ней будетъ выполняться не только за страхъ, но и за „совѣсть“ Поэтому вполнѣ былъ правъ депутатъ Барнавъ, желавшій, чтобы декларація была проста, доступна пониманію всѣхъ и чтобы она сдѣлалась народнымъ катихизисомъ. И декларація 1789 г. въ своихъ чеканныхъ, точныхъ и сжатыхъ 17 статьяхъ соединяетъ чрезвычайно удачно глубину и простоту мысли, такъ что дѣлаетъ общедоступными и общепонятными величайшія начала, какія могла создать юридическая наука. Но при всей своей простотѣ она допускаетъ кривотолкованія, почему и надо внимательно вникать въ истинный смыслъ и значеніе не только цѣлыхъ фразъ, но и отдѣльных словъ ея.

2.

Что значитъ „декларация правъ человѣка и гражданина“?

Права человѣка—это тѣ, которыя принадлежали ему какъ человѣку въ до-государственномъ состояніи и которыя останутся принадлежащими ему, если онъ не будетъ членомъ никакого общественнаго союза.

Права гражданина — напротивъ, суть права, приобретаемая личностью только при вступленіи членомъ въ государственный союзъ и утрачиваемая ею при выходѣ изъ него. Въ 1789 г считали, что права гражданина суть практическое осуществленіе „правъ человѣка“, когда послѣднія получаютъ охрану и обезпеченіе со стороны государства. Такъ какъ теперь нѣтъ людей; живущихъ внѣ государства, то можно въ дальнѣйшемъ не разграничивать этихъ обоихъ видовъ личныхъ правъ.

Къ чему же сводятся всѣ личныя права, заставляющія власть воздерживаться отъ вмѣшательства въ извѣстныя области личной жизни каждаго гражданина? Они сводятся къ двумъ основнымъ началамъ: гражданскому равенству и личной свободѣ.

Первая статья деклараціи 1789 г. гласить. „всѣ люди рождаются и остаются свободными и равными по праву“

Равенство всегда было принципомъ, вызывавшимъ самыя ожесточенныя нападки. Многіе ученые, особенно отражавшіе интересы буржуазіи, всѣми силами ополчались противъ этого принципа. Для большинства буржуазіи и теперь совершенно непонятно, что равенство есть благо, а неравенство—зло. Они начинаютъ говорить, что люди рождаются неравными—по физической силѣ, духовнымъ потребностямъ, умственнымъ способностямъ, нравственнымъ наклонностямъ. Они забываютъ, что всѣ одинаково рождаются людьми. Уже писатели 18-го вѣка послѣдовательно и неопровержимо доказали, что въ каждомъ изъ людей есть совокупность свойствъ, отличающихъ его отъ животнаго: разумъ, членораздѣльная рѣчь, нравственное чувство и пр.

Величайшій мудрецъ Кантъ далъ прочное, какъ гранитъ, обоснованіе требованія равенства. „Два явленія во вселенной всегда поражали меня“, —говоритъ онъ: „это— звѣздное небо надъ нами, совѣсть внутри насъ. Первое вызываетъ во мнѣ чувство своего ничтожества, а второе до небесъ возносить мою цѣнность.

„Человѣкъ! Это звучитъ гордо“, —сказалъ одинъ поэтъ. Этотъ божественный огонь, присущій всѣмъ людямъ, безразлично-тлѣющій или горящій яркимъ пламенемъ, дѣлаетъ всѣхъ людей равноцѣнными, такъ какъ самый бездарный человѣкъ равенъ самому гениальному. потому что и тотъ и другой обладаютъ священной человѣческой личностью Кантъ и опредѣляетъ природное равенство, какъ „право каждого не нести большихъ обязанностей въ пользу другого, чѣмъ сколько послѣдній несетъ въ отношеніи перваго“. Но это равенство не является безусловно полнымъ. На практикѣ нельзя достигнуть, чтобы всѣ люди владѣли равною собственностью (если не уничтожить частной собственности), имѣли одинаковыя понятія и чувства и т. п. До сихъ поръ въ жизни равенство пытались осуще-

ствить въ четырехъ проявленіяхъ, изъ которыхъ важнѣйшее первое

Декларация правъ въ заглавной 6-ой статьѣ говоритъ:

„Законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, покровительствуетъ ли онъ или караетъ. Всѣ граждане равны въ его глазахъ и потому имѣютъ равный доступъ ко всякому общественному сану, мѣсту и должности, сообразно своимъ способностямъ и безъ всякаго иного отличія, какъ только по добродѣтелямъ и талантамъ.

Позднѣйшіе юристы развили и дополнили эту статью, найдя 4 такія проявленія равенства: 1) равенство передъ законамъ т. е. всѣ граждане безъ различія лицъ и классовъ подчинены единообразнымъ законамъ, 2) равенство передъ судомъ т. е. отсутствіе особой подсудности, одинаковыя наказанія для всѣхъ классовъ общества, но видоизмѣненіе ихъ сообразно съ личностью преступника; 3) равенство въ политической жизни, т.-е. право занимать и отправлять должности, пользоваться въ обществѣ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ, (см. брош. № 2); 4) равенство въ обязанностяхъ, т. е. одина-

ковое устройство и классовъ въ личной оборонѣ страны, различіе налоговъ сообразно съ доходами каждаго.

Изъ разсужденій философа Канта можно вывести еще 5-ое положеніе. Кантъ училъ, что человѣкъ въ силу равно цѣнности **всѣхъ** человѣческихъ личностей, въ рукахъ **человѣка** можетъ служить не орудіемъ, а лишь цѣлью самъ по себѣ. Поэтому, слѣдствіемъ равенства должно быть уничтоженіе **эксплуатаціи** (использованія) **человѣка** **человѣкомъ**, при которомъ имущіе классы общества присвоиваютъ львиную долю **продуктовъ** труда неимущихъ. Но требованіе равенства въ экономическихъ условіяхъ для **всѣхъ** людей (что достижимо отчужденіемъ орудій производства — земли, фабрикъ и пр.) оспаривается слишкомъ ожесточенно, чтобы можно было счесть его общеобязательнымъ (самъ Кантъ такъовымъ его не признавалъ). Зато ученіе Канта находитъ широкое примѣненіе въ ученіи о второмъ важнѣйшемъ правѣ личности — свободѣ.

Свобода личности есть свойственная каждому человеку власть осуществлять и развивать свою физическую, умственную и нравственную деятельность, ограниченная лишь правилами, охраняющими свободу всех гражданъ. Французская декларация въ ст. 4 даетъ великолѣпное опредѣленіе свободы. „Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другому: такимъ образомъ осуществленіе естественныхъ правъ человека ограничено лишь тѣми предѣлами, которые обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же самыми правами. Эти предѣлы могутъ быть установлены лишь Закономъ“ Последнее надо понимать такъ, что границы личной свободы можетъ установить лишь органъ власти, предназначенный для изданія законовъ, что эти границы устанавливаются въ отношеніи **всѣхъ** гражданъ, а не въ отношеніи отдѣльных классовъ или лицъ, при чемъ эти одинаковыя для всѣхъ ограниченія должны быть вызваны общенароднымъ благомъ.

На практикѣ требованіе свободы личности выливается въ разнообразныя формы, которыя можно раздѣлить на двѣ группы.

Въ одну входятъ свободы, обезпечивающія матеріальные интересы личности. Самая замѣчательная изъ этой группы — „индивидуальная“ (личная) свобода, наиболѣе часто и нарушаемая всѣми правительствами. Она была выдвинута еще въ 1215 г. въ Великой Хартіи вольностей англійскаго народа. Въ ст. 7 деклараціи читаемъ. „Ни одинъ человекъ не можетъ быть подвергнутъ обвиненію, задержанію или заключенію, иначе какъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и согласно предписаннымъ имъ формамъ. Кто спрашиваетъ, изготовляетъ, исполняетъ или заставляетъ исполнять произвольные приказы, подлежитъ наказанію; но всякій гражданинъ, вызываемый или задерживаемый въ силу Закона, долженъ немедленно повиноваться: сопротивляясь, онъ совершаетъ преступленіе“ Личною свободой обезпечивается и свобода передвиженія, что ведетъ къ отмѣнѣ паспортовъ.

Второй свободой является неприкосновенность частнаго жилища. О ней не упоминается въ деклараціи, но она есть неперемѣнное слѣдствіе свободы личности. Въ конституціи Франціи 1795 г. ст. 359 гласить:

„Домъ каждого гражданина есть неприкосновенное убѣжище... Никакое посѣщеніе жилища не можетъ быть произведено, иначе какъ въ силу закона, и притомъ для лица и предмета, специально обозначенныхъ въ бумагахъ, предписывающей посѣщеніе“

Третье свободой является личная собственность. О ней говоритъ декларация и во 2-й и въ 17-й статьѣ.

Въ послѣдней читаемъ. „Собственность, какъ неприкосновенное и священное право, не можетъ быть ни у кого отнята иначе, какъ въ случаѣ, если этого очевидно требуетъ законнымъ образомъ удостовѣренная общественная необходимость, и подѣ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія“ Съ этой точки зрѣнія нельзя, напр., конфисковать частныя земли (т е. отобрать безвозмездно въ пользу государства), а можно лишь реквизировать ихъ (взять, уплативъ выкупъ по справедливой оцѣнкѣ).

Другіе виды свободы представляютъ просторъ проявленію „духовнаго я“ каждого, вытекающій изъ священности человѣческой личности. Въ декларации 1789 г. есть двѣ краснорѣчивыхъ статьи, касающіяся этого вопроса.

„Никто не долженъ быть безпокоимъ за свои мнѣнія, хотя бы религіозныя, если только обнаруженіе ихъ не нарушаетъ общественнаго порядка, установленнаго закономъ“ (ст. 10).

„Свободное выраженіе мыслей и убѣжденій есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка; всякій гражданинъ можетъ поэтому свободно говорить, писать, печатать, отвѣчая лишь за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ“ (ст. 11).

Современные юристы насчитываютъ такіе виды нравственной свободы. Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія дѣлаетъ возможнымъ исповѣданіе любой религіи и общественное отправленіе богослуженія. Свобода мнѣнія, кромѣ ея, включаетъ въ себя свободу слова, собраній обученія, союзовъ, печати и петицій (жалобъ). Каждый можетъ свободно высказывать и проповѣдывать свои политическія убѣжденія.

Свобода собраній выражается въ возможности устраивать митинги, учреждать политическія клубы.

Свобода печати сводится къ обнародованію любыхъ мнѣній въ формѣ книгъ, брошюръ, листовъ, газетъ, плакатовъ, безъ представленій въ цензуру, которая отменяется. Но авторы могутъ быть подвергнуты уголовной и гражданской отвѣтственности за свои произведенія въ судѣ присяжныхъ.

Свобода преподаванія (свободная школа) признана впервые конституціей 1795 г.

Право петиціи есть принадлежащее каждому право обращаться къ общественнымъ властямъ съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ онъ излагаетъ свои мнѣнія, просьбы или жалобы. Оно содержится въ конституціи 1793 г.

Гораздо позднѣе получило признаніе право гражданъ, не испрашивая ни у кого особаго разрѣшенія, соединяться въ союзы и общества. Не нужно никакихъ особыхъ разрѣшеній на учрежденіе политическихъ, экономическихъ, торговыхъ, сельскихъ, промышленныхъ обществъ. Рабочимъ союзамъ предоставляется право забастовки. Во Франціи только конституція 1848 г. признала право гражданъ соединяться въ ассоціаціи (союзы). Кромѣ того, въ государствахъ съ

разноплеменнымъ населеніемъ къ числу личныхъ правъ гражданина слѣдуетъ еще отнести свободу родного языка. Въ Австріи, напр., въ законѣ 1867 г. читаемъ: „Всѣ народности государства равноправны, а каждая народность имѣетъ неотъемлемое право на сохраненіе и развитіе своей національности и своего языка“. Впрочемъ, это право лишь съ натяжкой можно отнести къ индивидуальнымъ, такъ какъ оно касается не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго племени и осуществленіе его далеко не всегда возможно.

3.

Мы видѣли, какую широкую область составители деклараціи 1789 г. (и другихъ юридическихъ актовъ, родственныхъ ей по духу оставили въ неограниченномъ распоряженіи личности, насколько они уменьшили власть государства, которое раньше, подобно библейскому чудовищу Левіаѳану, поглощало

всякое проявленіе независимой воли или мысли. Этого удалось имъ достигъ признаніемъ, что государствомъ управляетъ „его величество народъ“, а не король или какой нибудь министръ. „Начало всякаго суверенитета заключается въ народѣ. Никакое лицо, ни совокупность лицъ не можетъ осуществлять власти, которая бы не проистекала, положительнымъ образомъ, отъ народа“, — читаемъ въ 3 ст. деклараціи. Суверенитетъ (внутренній) есть верховная, независимая власть, отъ которой возникаютъ всѣ остальные власти. Хотя авторы деклараціи и не предрѣшали формы правленія, но верховенство народа безъ всякихъ ограниченій цѣликомъ осуществляется только въ демократической республикѣ, гдѣ всѣ органы власти замѣщены избранниками народа. Временный характеръ ихъ полномочій позволяетъ народу, суверенитету сохранить постоянную дѣятельность и время отъ времени проявлять себя. Всѣ должностныя лица обязаны руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ совокупностью правилъ принудительно управляющихъ взаимоотношеніями гражданъ.

По деклараціи „законъ есть выраженіе общей воли“ (ст. 6) народа. Воля народа можетъ выразиться лишь черезъ отдѣльныхъ гражданъ. Но это должны быть не случайные люди, а избранные всѣми своими согражданами, (члены парламентовъ, или государственныхъ думъ). Въ важнѣйшихъ случаяхъ весь народъ долженъ голосовать крупный законопроектъ (референдумъ). Декларація гласить: „всѣ граждане имѣютъ право участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ составленіи законовъ“ (ст. 6). Народъ же по деклараціи правомоченъ контролировать свое выборное начальство. „Всѣ граждане“,— говоритъ декларація,—„имѣютъ право удостовѣряться, сами или черезъ своихъ представителей, въ необходимости общественныхъ сборовъ, свободно давать согласіе на нихъ, сдѣлать за нихъ употребленіе и опредѣлить ихъ размѣръ, основаніе, порядокъ взиманія и срокъ существованія. (ст. 14).

При такихъ мѣрахъ предосторожности неудивительно, что, согласно съ 5 ст., „законъ имѣетъ право запрещать только вредныя для общества дѣйствія. Что не запрещено закономъ, тому нельзя препятствовать, и ни-

кого нельзя принуждать дѣлать то, чего законъ не предписываетъ" (ст 5).

„Законъ долженъ устанавливать только строго и очевидно необходимыя наказанія. Никто не можетъ быть наказанъ не иначе, какъ въ силу закона, изданнаго и обнародованнаго до совершенія проступка и законнымъ образомъ примѣненнаго“ (ст. 8).

„Всякій человѣкъ предполагается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ необъявленъ виновнымъ. Посему, если будетъ сочтено необходимымъ задержать его, всякая мѣра строгости, не являющаяся неизбѣжной для того, чтобы воспрепятствовать ему скрыться, должна быть сурово караема Закономъ“ (ст. 9).

Строгая законность,—отсутствіе произвола въ судѣ и администраціи,—мирно уживается въ этихъ статьяхъ съ милостивымъ отношеніемъ къ обвиняемымъ и обвиненнымъ въ нарушеніи закона. Такъ какъ вся полнота власти принадлежитъ всему народу, а народъ есть соединеніе отдѣльныхъ личностей, то неудивительно, что 2-я ст. деклараціи объявляетъ, что „цѣль всякаго политическаго союза есть охрана естественныхъ и неотъемлемыхъ

правъ человѣка“ Самое правительство существуетъ лишь какъ гарантія (обезпеченіе) правъ рабочихъ и гражданина; только это обстоятельство „вызываетъ необходимость организованной государственной силы; эта сила, такимъ образомъ, установлена въ интересахъ всѣхъ, а не для частной пользы тѣхъ, кому она ввѣрена“ (ст. 12).

„Правительство и обязано гарантировать гражданамъ „безопасность“ (ст. 2). Въ деклараціи 1793 г. поясняется: „безопасность состоитъ въ защитѣ, даваемой обществомъ каждому изъ своихъ членовъ для охраны его личности, его правъ и его собственности“ (ст. 8).

Но обществу мало этой гарантіи: оно должно имѣть средства, предохраняющія его отъ собственнаго правительства, отдѣльные члены котораго постоянно могутъ пытаться использовать свою власть въ себялюбивыхъ цѣляхъ. Поэтому ст. 15 деклараціи устанавливаетъ отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ. „общество имѣетъ право требовать у всякаго государственнаго агента отчета въ его управленіи“

Но „береженаго и Богъ бережетъ“ — гово-

рить пословица. Для еще большаго ослабленія носителей власти декларація требуетъ „раздѣленія властей“ Знаменитый юристъ „вѣка просвѣщенія“ Монтескье различалъ три вида власти: 1) законодательную, 2) исполнительную (или распорядительную) и 3) судебную. Основнымъ его положеніемъ было, что въ рукахъ одного лица нельзя соединять хотя бы двухъ видовъ власти. Администраторъ не могъ быть судьей, законодатель администраторомъ и т. д. Между прочимъ, самодержавная монархія, въ которой государю принадлежать всѣ виды власти, немыслима, такъ какъ приводитъ всѣхъ гражданъ къ самому жалкому рабству передъ однимъ. Французская декларація, усвоивъ его мысль, и заявила во всемірно — извѣстной 16 ст : „Всякое общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ, т.-е. не оберегается безопасность гражданъ или всѣ права чловѣка и гражданина и не опредѣлено раздѣленіе властей,—не имѣетъ конституціи“ Иначе говоря, въ конституціонномъ государствѣ власть законодательная должна быть отдѣлена отъ исполнительной и судебной и должны соблюдаться права личности, вытекающія изъ принциповъ (началь) равенства и свободы.

Но если, несмотря на эти гарантіи, установленныя государствомъ для обезпеченія и примѣненія права, произойдутъ нарушенія права,—то говорятъ, что случилось „насиліе“ Если законодатель издаетъ законы, противорѣчащіе праву, администраторъ и судья совершаютъ поступки, противные закону.—могутъ ли подданные государства воспротивиться примѣненію неправового закона или выполненію административныхъ и судебныхъ дѣйствій, противныхъ закону?

Въ числѣ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ челоѣка и гражданина декларация 1789 г. называетъ „сопротивленіе угнетенію“ Но законодатели 1789 г. остереглись сказать, въ какомъ смыслѣ они понимаютъ это право. Въ знаменитой 35 ст. декларации 1793 г. заявляется: „Когда правительство нарушаетъ право народа, возстаніе является для народа и для каждой части народа наиболѣе священнымъ изъ правъ и наиболѣе необходимой изъ обязанностей“ Но нужно, конечно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгать къ этому страшному праву, рискуя на революцію, а именно когда дѣло идетъ о благѣ цѣлаго народа, а не объ интересахъ отдѣльной части его.

4.

Если читатели помнятъ, дѣятели 1789 г. считали свою декларацію вѣчнымъ евангеліемъ, пригоднымъ для руководства всѣми народами во всѣ историческія эпохи. Но мы, люди 20-го вѣка, видимъ въ ней не мало пробѣловъ и не можемъ принять цѣликомъ всѣ заключающіяся въ ней положенія. Она указываетъ, чего государство не должно дѣлать, чтобы не нарушить правъ человѣческой личности. Но этого мало. Теперь всѣ признаютъ, что государство обязано и сдѣлать что нибудь въ пользу каждаго гражданина. Если и спорятъ, то лишь о количествѣ этихъ обязанностей. Всѣ согласны, что государство обязано организовать всеобщее и бесплатное первоначальное обученіе, государственное страхованіе рабочихъ.

Ни въ одну еще конституцію не вошло закона, который не призналъ бы за лично-

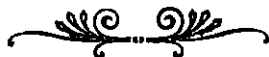
стью, кромѣ „права на существованіе“ (т. е. „безопасность“ деклараціи 1789 г.), еще „право на трудъ“, т. е. обязательство для государства пріискивать работу всякому здоровому и желающему работать человѣку. Только во время февральской революціи 1848 г. временное правительство Франціи обѣщало своимъ указомъ 5 февр.: „обеспечить рабочему существованіе трудомъ... обеспечить трудъ всѣмъ гражданамъ“. Оно обеспечило имъ лишь смерть отъ рукъ національной гвардіи генерала Кавеньяка. Въ наши дни все настоятельнѣе возникаетъ мысль, что государство должно вмѣшаться въ область экономическихъ отношеній и сгладить неравенство богатыхъ и бѣдныхъ. Мы вовсе не можемъ признать частную собственность частью человѣческой личности. Покушеніе государства на частную собственность вовсе не является въ нашихъ глазахъ посягательствомъ на священныя права человѣка и гражданина. Если что и удерживаетъ насъ отъ передачи частной собственности государству, такъ лишь сложность такой операціи и серьезныя смуты, которыя она можетъ вызвать. Въ 1789 г. рабочій и буржуа рука объ руку шли противъ деспотизма ко-

роля и неравенства сословій, составляя единое „третье сословіе.“ Въ 19 вѣкѣ созникло „четвертое сословіе“, — рабочій пролетаріатъ, убѣдившійся, что экономическое неравенство ведетъ къ такимъ же печальнымъ для него послѣдствіямъ — нищетѣ и духовному и физическому вырожденію. Поэтому только въ ушахъ буржуазіи радостно прозвучить 2-я статья декларации 1789 г.. „Цѣль всякаго союза есть охрана естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“ Пролетарій предпочтетъ, замѣнивъ собственность равенствомъ и прибавивъ къ безопасности право на трудъ и единеніе, — воскликнуть: „Да здравствуетъ свобода, равенство, право на существованіе и трудъ и рождающее силу единеніе!“

Но пусть каждый, готовый обобществить средства производства, не дерзнетъ, хотя и въ пользу государства, кошунственной рукой отчудить „неотъемлемыя и неотчуждаемыя“ права равенства и свободы личности. Въ самой демократической изъ республикъ верховенство (суверенитетъ) народа не должно нарушать верховенства личностей.

Иначе тиранія одного смѣнится деспотизмомъ
безликой толпы, и общественный союзъ рас-
падется, смѣнившись анархіей (безвластіемъ)
и дезорганизаціей (безпорядкомъ).

www.books2ebooks.eu